

Ромадин Николай Михайлович 15.09.09.

Колдовское озеро Николая Ромадина

Выставка на Пречистенке

Культура-2004-9-15 сент. - с. 7

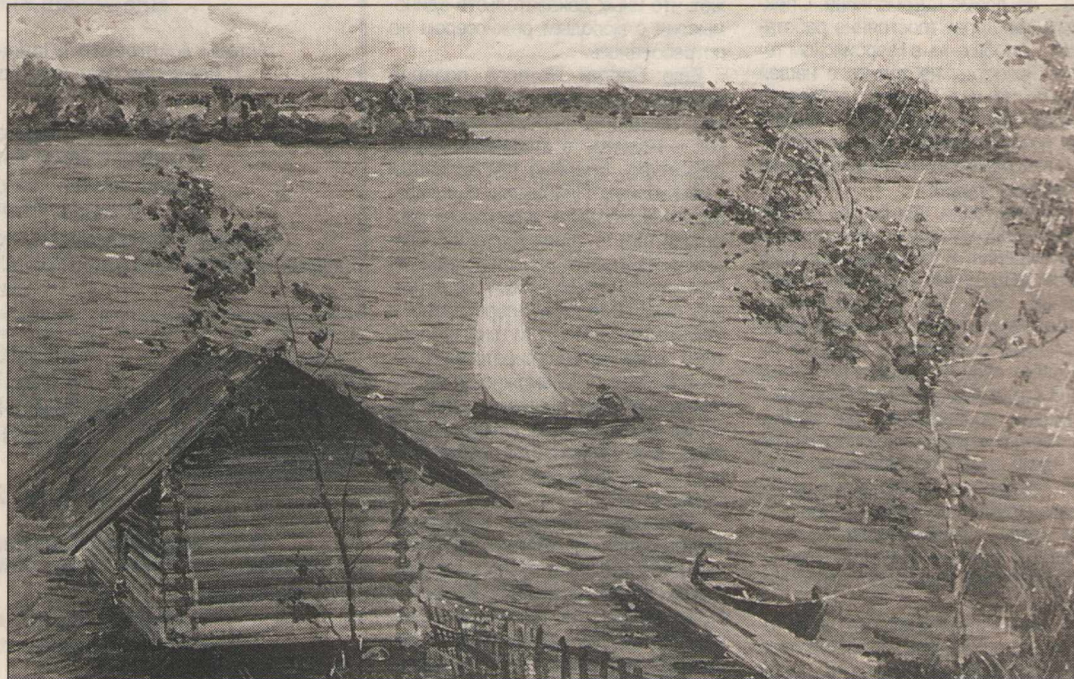
Однажды в мастерскую Николая Михайловича Ромадина пришел писатель Алексей Толстой. Небольшой пейзаж ему очень понравился, он снял его со стены, долго рассматривал и потом произнес лишь одно слово: "Колдовство!"

Именно колдовством можно назвать выставку произведений народного художника СССР, действительного члена Академии художеств Николая Михайловича Ромадина, которая открылась в залах Российской академии художеств на Пречистенке. Экспозиция посвящена 100-летию со дня его рождения, здесь представлены и самые ранние, и самые последние работы. Некоторые показаны впервые.

Родился будущий художник в Самаре, в семье железнодорожного рабочего. Его отец был не чужд живописи, в минуты отдыха доставал краски, кисти – писал картины о море, которого никогда не видел. Но он очень не хотел, чтобы сын стал художником, – эта профессия, по его убеждению, была несерьезной для мужчины. Однако когда отец был в отъезде, Коля брал его краски и кисти – тогда от них его нельзя было оторвать. Отцу это не нравилось, в семье назревал конфликт. В 1922 году Николай собрал свои нехитрые пожитки и уехал в Москву поступать во Вхутемас.

Вряд ли предполагал рассерженный отец, что его сын станет известнейшим художником, что и его скромные живописные опыты сделают всемирным достоянием – в 1997 году в испанском городе Севилье состоялась необычная выставка "Три поколения русских художников Ромадиных", на которой экспонировались его, Михаила Андреевича, картины, его сына Николая и внука Михаила. Выставка имела большой успех.

Но от вхутемасовской скамейки до роскошного зала в Севилье пройдет много лет. Путь к самому себе, к Ромадину, которого мы знаем и любим, был непростым. "...Вышедший из самой сердцевины народа, он прошел тяжелый путь приобщения к живописи, – писал Константин Паустовский. – Если бы не отчаянное его упорство и одержимость живописью, если бы не нестерпимая его любовь к России и ее пейзажу, то он мог бы остаться в

числе тех многих художников-самучек... Но он выбился вышел на широкую дорогу и силой своего таланта завоевал себе такого великолепного и сурового учителя, как Нестеров."

Николай Ромадин, будучи страстным, темпераментным и увлекающимся человеком, бросался в живописи из крайности в крайность, перепробовал в ней все – и тематические холсты на "актуальные" темы, и портрет, в котором добился большого признания. Его "Автопортрет", исполненный в 1948 году, ныне находится в галерее Уффици во Флоренции. Большая честь!

В конце 1930-х годов Ромадин неожиданно отказывается от всего им уже созданного, чем вполне мог гордиться, и уходит в чистый пейзаж. С мольбертом, холстами, красками и кистями, с небольшим рюкзаком он месяцами пропадал в северных, среднерусских и иных даях и лесах. "Ромадин знает, где можно найти самый густой иней, где растут самые могучие ели в стране, какие краски нужны для речного ветра и какие для дождя и сумерек, – отмечал Паустов-

ский. – Если бы он написал обо всем этом, но получилась бы книга увлекательная и непохожая ни на что в литературе."

Художник совершил нечто подобное, но только в живописи. И это было увлекательно и не похоже ни на что иное в пейзажном искусстве.

Выставленное на первой персональной выставке в 1940 году, его творчество явило в отечественной живописи новое, самобытное имя. Большим событием стало посещение выставки Михаилом Васильевичем Нестеровым. Встреча имела очень важное значение для художника. Прежде всего как признание его несомненного таланта, истинности его пути. Нестеров ввел Ромадина в круг своих друзей, среди которых были Павел Корин, Иван Ефимов, Петр Кончаловский, певица Ксения Держинская, знаменитый врач Владимир Филатов, пианист Святослав Рихтер, известные писатели, ученые, философы.

Неожиданной и, пожалуй, высшей наградой стала фотография Левитана, Михаил Васильевич передал ее

Ромадину со словами: "Левитан подарил мне фотографию, как продолжателю традиций русского пейзажа. Храните ее, а потом, когда сочтете нужным, передайте ее дальше молодому художнику, который с честью может продолжить эту линию!"

В годы Великой Отечественной войны Николай Ромадин создал большую серию картин "Волга – русская река". Почти вся она теперь находится в Третьяковской галерее, а ныне представлена на выставке. Так же, впрочем, как и другая значительная живописная серия "Время года", созданная под влиянием музыки Чайковского и картин Клода Лоррена.

Картина "Керженец", написанная в 1946 году, стала эталонной в творчестве художника. Самой характерной для него, самой романтической и таинственной. Ее сюжет, на первый взгляд, очень прост. Пора весеннего половодья, густой лес, словно вырастающий из темной, мрачной воды и застывший в каком-то томительном ожидании. И даже утлая лодочка с двумя человеческими силуэтами не тревожит это волшебное, "берендеevo"

Слева: Н. Ромадин. "Свежий ветер". 1954 г.
Справа: "Автопортрет". 1948 г.

царство. Приглядитесь, отдайтесь своему впечатлению, своему настроению, – неожиданно вас охватит какое-то странное, неуловимо-мистическое чувство. Будто вы прикоснулись к неспасимой тайне мироздания, которую можно лишь ощутить, но не понять, не охватить умом. Эта неведомая загадка, открытая, а точнее – интуитивно познанная художником, и есть то, что и таит в себе "Керженец", что нас в нем волнует, поражает, интригует и что вызывает в нашем сознании множество ассоциативных догадок, миражей и дивных грез.

Да и сам художник попадал под странное, мистическое очарование своего творения. Сын Николая Ромадина – Михаил вспоминает, что отец как-то обратился к нему: "Ты знаешь, у меня было видение. ...Картина "Керженец" стояла на мольберте в мастерскую. Я возвращаюсь в мастерскую из дома, открываю дверь и вижу... – отец перешел на шепот, – на стуле перед мольбертом, с кистью в руке сидит человек и пишет мой "Керженец". Человек повернулся и посмотрел на меня, а через мгновение растаял в воздухе. Это был Он!" "Кто он?" – спросил я. Отец вплотную приблизил губы к моему уху и отчеканил громким шепотом: "Нестеров!"

Как-то Николай Ромадин сказал сыну: "Хочешь, я открою тебе великий секрет живописи?" Но Михаил

был молод, его занимали совсем другие мирские, повседневные дела, которые он считал более важными для себя, чем признания отца. Поэтому его тайну он так и не узнал. Сейчас очень жалеет об этом.

Вероятно, эта великая тайна и заключена в "Керженец"; в других наиболее значительных произведениях – "Кудинское озеро", "Яренский лес", "Белая ночь", удивительная по своему эмоциональному воздействию, по своему тончайшему образному волшебству; "Зима в Островском", "Се-неж. Розовая зима", "Нарядная зима", "Туман. Ока", "В рязанских местах Есенина"...

Они, наверное, так и останутся для нас волнующей и неспасимой загадкой божественного дарования художника. Правда, может быть, посетители разгадают его грезы, но каждый – по-своему, настолько многозначно его творчество.

Николай Ромадин не любил, когда его называли реалистом или "соцреалистом", прекрасно понимая, что в его пейзажах нет ничего "социалистического". Я, например, отнес бы его работы к мистическому романтизму. Впрочем, нужно ли вообще давать какое-либо определение его дарованию? Он – Николай Ромадин со своим неповторимым образным миром. И это вполне достаточно. Правда, не могу не вспомнить одно такое верное, такое точное определение. Колдовство!

На выставке представлены картины из коллекции Третьяковской галереи, из семьи художника – от Михаила и Нины Ромадиных, сына и дочери художника. Некоторые холсты, фотографии, документы показаны впервые. К вернисажу изданы книга Николая Ромадина "Записки пейзажиста" и альбом о художнике.

Конечно, собрано далеко не все созданное художником. Многие картины находятся в более чем 50 музеях, нашей страны, а также в зарубежных музеях, галереях и частных собраниях и поэтому в экспозицию не попали. Тем не менее она предстает перед нами как большое событие в художественной жизни России.

Эвграф КОНЧИН